

РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (1917-2017)

УДК 159.9+2

*Г.В. Акопов, И.А. Подоровская,
G. Akopov, I. Podorovskaya
akolubov@mail.ru*

СОБЫТИЯ 1917 Г. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ПСИХОЛОГИЮ

THE EVENTS OF 1917 AND THEIR IMPACT ON THE DOMESTIC PSYCHOLOGY

АННОТАЦИЯ

В статье подчеркивается, что грубый материализм, несвобода в научном гуманитарном исследовании привели отечественную психологию к утрате в советское время исследований в области самых высоких, трудно нашупываемых материалистическим инструментарием тем, связанных с духовной составляющей природы человека. И только после перестройки отечественные психологи обратились к проблеме духовной жизни человека, в частности к созерцанию. В работе показывается плодотворность сотрудничества Самарской психологической школы и кафедры православной педагогики и психологии Самарской семинарии.

ABSTRACT

The article emphasizes that gross materialism, lack of freedom in scientific humanitarian research in Soviet times, that brought the domestic psychology to the loss of research in the field of the most high topics, which are hardly investigated with

materialistic instruments and connected with the spiritual component of human nature. And not only after the perestroika the domestic psychologists addressed to the problem of human spiritual life, to the contemplation in particular. The article shows the fruitfulness of cooperation of the Samara school of psychology and the chair of Orthodox pedagogy and psychology, Samara Seminary.

Ключевые слова: дух, духовность, созерцание, категории, православная психология, антропоцентризм, расчеловечивание, антропологические основания.

Keywords: spirit, spirituality, contemplation, categories, Orthodox psychology, anthropocentrism, anthropological reasons.

Прошло сто лет с того трагического момента, когда жизнь огромной и процветающей Российской Империи изменилась коренным образом. Что это было, и как это событие отразилось на психологии?

Читая воспоминания о тех событиях, понимаешь, что люди, и верующие, и духовенство в том числе, были охвачены идеей перемен. О безумии октября не помышляли, а февральскую революцию приняли с энтузиазмом. Перемены! От них ждали свободы, радости, чего-то нового, лучшего. А вышло все не так.

Марксизм-ленинизм в науке с его грубым материализмом, с несвободой в научной мысли, особенно в гуманитарной сфере, и с несвободой в выражении этих мыслей привел отечественную психологию к утрате в советское время исследований в области самых высоких, трудно нащупываемых материалистическим инструментарием тем, связанных с духовной составляющей природы человека. И только после перестройки отечественные психологи возвратились к проблеме духовности.

Начинается попытка выстроить новую психологию, учитывающую трехмерность человеческой природы (тело-душа- дух) (прот. Борис Ничипоров, Б.С. Братусь, Т.А. Флоренская, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев и др.). Это направление, называемое то христианской психологией, то православной, то святоотеческой, далеко не всегда принималось и понималось материалистической психологией. Но именно это направление имеет больше возможностей в изучении трудноуловимых, труднопостигаемых явлений человеческого духа, в частности, созерцания.

Проблема изучения духовности не является чисто теоретической, она имеет и вполне земное, практическое выражение. Так, утрата духовности в обществе, приземление человеческой жизни, утрата духовности исконной, которая восходит не к человеку, а к Богу, приводит к тому, о чем очень точно сказал Святейший Патриарх Кирилл. Он сказал, что человек со времен Древней Греции сегодня возведен на такую высоту, что соперничает с Богом, и фактически человека превращают в бога. Антропоцентризм, человек – мерило всего! Чем нам это все грозит?

Опасность технологизации, информатизации, заключается в том, что она основана и продвигается на идеях постмодернизма. Грубо говоря, нет никаких универсальных ценностей, того, что мы называли общечеловеческими ценностями. Нет универсальных идей. Индивидуум, или человек сам по себе с его любыми потребностями, желаниями, современным технологизмом доведен до такого уровня, что может почти все. Можно заменить сердце, почки, легкие, изменить внешность, – это органическая, телесная сторона нашей жизни. Появились замечательные технологии, которые позволяют обездвиженным людям взглядом через монитор управлять механическими роботизированными системами и обеспечивать движение неподвижного организма. Но это

уже вмешательство в наш мозг, это чипизация, это нейрокомпьютеры. А наши средства коммуникации, компьютеры, гаджеты, телефоны и т.д.? Мы все представлены в сверхбыстром компьютере, в облаках информационных. Быстродействие компьютеров таково, что малейшую интонацию каждого из нас можно идентифицировать в течение короткого времени в той колossalной массе разговоров, доступных той системе, через которую мы общаемся друг с другом, получаем друг к другу доступ. Несомненно, колоссальную опасность несет с собой эта информатизация, универсализация и технологизация нашей жизни. Все возможно, все, что человек помыслит, что захочет – никаких ограничений. А что дальше? Происходит расчеловечивание человеческой природы, свободная смена пола, например, тому яркое подтверждение.

Второе практическое выражение духовности в земной жизни связано с потерей ценностных ориентиров, подменой их, сомнениями в их существовании. Сейчас мы постоянно сталкиваемся с такими упреками в адрес нашей власти, что нет национальной идеи. Как писал И.А. Ильин, человеку незачем жить, если ему не за что умереть. У нас сильная армия, а идейная подпитка нашей жизни, в чем она заключается? Говорят о любви к Отечеству, о патриотизме. Может ли быть это идейной стороной нашей жизни, той идеей, которая воодушевляет большинство населения, создает момент целостности принятия этой идеи, соответственно, ответственности за ее осуществление? Мы переживаем, кажется, второй этап нашей перестройки, если можно воспользоваться этим словом. И обращение к духовности, как к тому, что может возместить эту ценностную утрату, одна из задач современной православной психологии. Отсутствие национальной идеи – это угроза русскому миру, или нашей православной цивилизации. Мировоззрение, где человек не центр

вселенной, где есть Бог, может нас поддержать, поддержать наш дух и нашу жизнь в современных соблазнах и опасностях нового устройства мира.

К исследованию духовности Самарская психологическая школа шла долгим путем: от ментальности к сознанию, от сознания к созерцанию, от созерцания к духовности.

Значение проведенных самарскими учеными исследований точно выразил доктор педагогических наук, профессор, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии архимандрит Георгий (Шестун). Он отметил, что самарская психологическая школа под руководством профессора Г.В. Акопова очень своевременно и логично развивает особо актуальную тему иерархического устроения социума и человеческого мировосприятия.

Все началось с изучения ментальности. С богословской точки зрения ментальность – это восприятие материального мира, и формируемое этим миром мировосприятие. С богословской точки зрения, человек троичен: он имеет плоть, душу и дух. Ментальность – это восприятие социальной плоти общества и человека.

Следующей ступенью осознания своего бытия является мировоззрение, основанное на сознании роли уже конкретной социальной среды, роли осознания другого в моей личной жизни. Очень логично, что самарская психологическая школа перешла от темы ментальности к теме сознания, совершая переход от плотского бытия к душевному бытию.

И уже осознавая эту логическую цепочку в своих исследованиях, самарские психологи устремили свой научный взор на более высокий уровень – духовный, до которого психологическая наука еще практически не дотягивалась.

Мироисозерцание. Погружение в совершенно иной способ получения знания через откровения посредством созерцания.

Так завершилась логическая цепь экспериментальных исследований от ментальности к сознанию и от сознания к созерцанию. С восхождением по ступеням этой научной лестницы решались очень многие проблемы сочетания научного и богословского знания, сопряжения богословских и научных понятий, преодоления существующих стереотипов в сознании исследователей.

Таким образом, пишет о. Георгий (Шестун), Самарская психологическая школа возвращает психологической науке ее истинный предмет познания, как науке о душе человека, душе, живущей в миру, душе, стремящейся к душе другого, и душе, стремящейся в мир иной, к своему Творцу и Создателю [6, с. 5-6].

И это стало возможным в период возвращения России к своим корням и традициям, от которых ее пытались очень жестко оторвать в 1917 г.

Понятие созерцания забыто отечественной психологией. Хотя С.Л. Рубинштейн, например, очень много и интересно писал об этом явлении. Причем считал, что оно не сводимо ни к познавательной активности, ни к практической деятельности, что это отдельная категория, которая тем не менее в современной отеческой психологии, да и в зарубежной, достойным образом не представлена. Созерцание, по С.Л. Рубинштейну, представляет собой один из способов познания человеком мира, наряду с деятельностью. Но если в процессе деятельности человек познаёт мир посредством его изменения, то при созерцании человек воспринимает мир без его преобразования, воспринимая объект таким, каков он есть сам по себе в реальности, «каков он есть на самом деле», «как нечто, что значимо для человека и само по себе, в себе». В этом смысле созерцание пассивно, а не активно, как деятельность.

Наивысшей формой созерцания Рубинштейн признаёт эстетическое созерцание, то есть восприятие прекрасного. По его мнению, в эстетическом, хотя и созерцательном отношении к миру, к бытию и другому человеку, проявляется величайшая заинтересованность человеческого существа в нём самом, а не только в его служебной функции [1, с. 7].

В совместных исследованиях Самарского государственного социально-педагогического университета и кафедры православной педагогики и психологии Самарской духовной семинарии, мы получили обширный материал, связанный с явлением созерцания в святоотеческой психологии. Например, святитель Григорий Палама считал созерцание высшим и самым надежным способом познания, т.к. всеведущий Бог, который есть истина, открывает Духом Своим Святым подвижнику благочестия те тайны, которые в общении с ним Сам пожелал открыть. При этом созерцание начинается при успокоении всякой деятельности ума [5, с. 112-113]. Преподобный Исаак Сирин писал, что созерцание – изначальная природа ума.

В святоотеческой традиции созерцание – это духовное (непсихическое, т.е. недушевное) состояние (явление), возникающее в процессе молитвы спонтанно, которое невозможно вызвать самому, характеризующееся оставлением всякого умственного действия и выпадением из сознания всего окружающего. Подвижник созерцает не умом, но духом. Основное условие возникновения созерцания - очищенная покаянием душа молящегося. Созерцание – процесс богообщения. В созерцании Бог открывает (показывает, говорит) некоторое духовное содержание (сущность вещей, то, что было, и то, что будет). При этом обновляется сердце, становясь незлобивым, радостным и любящим, т.е. созерцание изменяет личность подвижника [6, с. 20].

Самарская психологическая школа пришла к выводу, что созерцание - это не понятие, это концепт. Созерцание последовательно сопоставляется с различными психологическими состояниями и процессами [1].

В зарубежной версии созерцание, contemplation, главным образом обеспечивается содержательной стороной через медитацию. Но созерцание не является медитацией, потому что к медитации нужно готовиться, и заранее поставить себе задачу обрести это состояние, а со временем обрести способность к медитации как к свойству личности, индивидуальному свойству человека. С нашей точки зрения, созерцание не подвластно управлению ни внешнему, ни внутреннему. Это такая категория, если мы ее вносим в психологию, которую невозможно вызвать ни тренингами, ни медитативными техниками, ни какими либо иными способами... Созерцание, чтобы быть более понятным, есть слово задумчивость. О чем задумывалась Татьяна Ларина? «...Задумчивость, ее подруга от самых колыбельных дней». Нет никаких образов созерцания, есть только представление об особом состоянии и способность либо продолжать его, либо прекратить. А что после того, как созерцание прекращается? Чем наполнена наша психика? Невозможно передать. Можно ли его искусственно вызвать? С трудом, как мы уже сказали, практически невозможно. Можно ли тренировать, создавать новые психопрактики, вызывающие созерцание? Невозможно. Если мы научимся, то это будет не созерцание, а какие-то другие психические процессы. Принципиальное отличие нашей трактовки созерцания в том, что его невозможно искусственно вызвать. Мы можем только как благословение Божие его ждать, когда оно наступит. Но выходим мы из этого состояния всегда с некоторым трансформированным, скорректированным независимо от наших сознательных усилий или вновь обретенным смыслом. Он ведет нас далее. И не сразу, а через какое-то время мы обретаем некое состояние

равновесия в связи с этой коррекцией или обретенной смысловой реальностью.

Отсюда, если мы принимаем в отечественную современную психологию созерцание как дополнительную к деятельности (деятельности как осознанной целенаправленной активности) категорию, и если принимаем то, что мы не можем созерцание сознательно регулировать, тогда это – истинная дополнительная пара, а не так, как у нас было ранее в психологии: деятельность и сознание. И получилось, что вся психология деятельности, а это основа советской психологии, вершинного ее развития, сплошь состоит из осознанной активности человека. Получилось, что мы без перерыва постоянно ставим цели, планируем, корректируем, контролируем, рефлексируем, а возможно ли такое бесконечное осознание своей жизни? Бог устроил нас так, что мы периодически погружаемся в некое особое состояние, где другая реальность. То есть, в определённом контексте (бинарность, дихотомизм) не деятельность и сознание, а деятельность и созерцание задают одну из базовых оппозиций современной психологии.

Замечательно созерцание представлено в поэзии, например, в поэзии М.Ю. Лермонтова. Существует целый ряд его стихотворений, в которых он очень тонко описал состояние созерцания.

Иван Ильин видел в созерцании действенную силу, способную помочь человечеству выйти из сложившегося кризиса. Он писал, что человечество должно приступить к великому, перестраивающему обновлению души и духа: оно должно пересмотреть строение своих культурно-творческих актов, признать их исторически сложившуюся несостоятельность, восполнить их, усовершенствовать и открыть себе новые пути ко всем великим Богоданным предметам. Это единственная возможность выйти из современного кризиса и начать духовное оздоровление; это

единственный способ остановить современное скольжение в пропасть и начать период возрождения и подъема [2, с. 534].

В практическом плане Самарская психологическая школа разработала тест преобладающего типа сознания, в основу которого была положена идея о существовании дихотомии «созерцание-деятельность» в типах индивидуального сознания. А отсюда можно говорить и о типах личности: деятельном или созерцательном. При этом в святоотеческом наследии мы тоже часто встречаем мысль о двух путях христианского спасения: пути деятельного служения Богу и ближним – путь Марфы, и путь созерцательной, молитвенной жизни – путь Марии.

Перед нами сегодня встает большая сложность такого плана, как примирить, как соединить две линии в психологии, которые существуют на сегодняшний день, материалистическую и святоотеческую, где духовность от человека и духовность от Бога, от Святого Духа. Сегодня между ними существует непреодолимая граница, и 70-ти летний опыт жизни возрастной части нашего населения таков, что с трудом пробивается брешь между двумя этими полюсами, даже искра с трудом пробегает. А святоотеческая психология обладает огромным богатством, которое необходимо актуализировать в современной психологии.

В Самаре была выработана идея сопряжения светской и православной психологии, и в этом отличие нашего подхода от идеи интеграции, которая тогда, в 90-е, провозглашалась как необходимость интеграции светского и духовного. Но как можно интегрировать то, что не имеет общих границ? Сейчас наш путь в работе над проблемой духовности и созерцания, подсказывает необходимость поиска новых возможностей не просто сопряжения. Само понятие духовности, представляющееся как концепт, может нас подвести к той идейной линии, которая необходима нашей индивидуальной жизни и жизни общества, в том числе и современной отечественной психологии.

Подводя итог, можно сказать, что светская и святоотеческая психологии имеют разные антропологические основания, и обращение к теме духа, духовности, светской психологией может позволить найти место, где эти основания сближаются. И здесь совместные исследования будут наиболее плодотворны, смогут принести пользу современной психологической науке и нашему Отечеству.

Список источников и литературы.

1. Акопов Г.В., Семенова Т.В. Созерцание как дополнительная к деятельности категория психологии: лекция по курсу «Общая психология». Самара: ПГСГА, 2014.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994. – 592 с.
3. Исаак Сирин, преподобный. Слова подвижнические. – М.: Правило веры, 2002.
4. Подоровская И.А., Акопов Г.В., Привалова В.М. Образование светское и православное: возможности сопряжения // IV Иоанновские чтения. Самара: издательство «Самарский университет», 2000. С. 62 – 66.
5. Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. СПб.: Наука, 2007.
6. Шестун Е.В., Подоровская И.А. Созерцание в теоретическом осмыслиении и практиках монотеистических религий: Монография / под ред. Г.В. Акопова. Самара: Издательство СамГУПС, 2014.